

НОВЫЕ ДАННЫЕ ПО ДРЕВНЕЙШЕЙ ИСТОРИИ ВНУТРЕННЕЙ МОНГОЛИИ

JOHN MARINGER. Contribution to the Prehistory of Mongolia. (Publication 34. VII. Archaeology. 7), Stockholm, 1950, 216 стр., 52 рис. в тексте, 40 табл., 2 карты, библиография: 71 название.

В рецензируемом очередном выпуске материалов шведской экспедиции, работавшей в северо-западных провинциях Китая, публикуются результаты археологических работ, проведенных на протяжении 1927—1937 гг. участником этой экспедиции Ф. Бергманом в обширном районе Внутренней Монголии от Калгана на востоке и до Хами на западе. Материал по каменному веку собирал как сам Бергман, так и другие лица, в том числе участвовавшие в экспедиции рабочие, как китайцы, так и монголы. Китайская группа участников экспедиции вела сборы особо.

Эти исследования охватывают, однако, лишь узкую полосу, протянувшуюся вдоль границы Монгольской Народной Республики по пограничным с ней областям Китая. В целом ими охвачено пространство между 94—115° восточной долготы и 41—93° северной широты. На востоке зона работ Ф. Бергмана частично перекрывает столь же узкую полосу, исследованную в археологическом отношении американской экспедицией под руководством Р. Ч. Эндрыуса, в составе которой работал археолог Нельсон. Сборами Нельсона и других участников экспедиции 1925—1928 гг. охвачено было пространство между Улясутаем на Западе и Калганом на Востоке, общим протяжением около 1600 км между 97 и 115° восточной долготы. Западный конец этой полосы находится на 45—46° северной широты, восточный — на 42—44° северной широты. По Нельсону, американской экспедицией обнаружено здесь около 120 местонахождений, давших около 50 тысяч предметов каменного века. В свою очередь Ф. Бергман и сотрудники шведской экспедиции зарегистрировали в районе своих работ около 327 пунктов с находками каменного века, общее количество которых тоже достигает 50 тысяч.

Находки американской экспедиции, однако, до сих пор остаются неопубликованными. Все, что известно о них, ограничивается краткими заметками в отчетах экспедиции, в книге Эндрыуса: «On the Trail of Ancient Man» (NY, 1926)¹ и в раскрывающей истинные задачи «экспедиции» книге того же Эндрыуса под громким названием «The new conquest of Central Asia» (N. Y., 1932), а также в нескольких кратких статьях Нельсона². Рецензируемый выпуск материалов шведской экспедиции интересен именно тем, что в нем впервые дается обобщающая публикация собранных экспедицией материалов по первобытной археологии Внутренней Монголии, при этом в связи с предшествующими работами в соседних областях Центральной Азии.

Книга открывается кратким вступлением. Далее следует очерк истории работ экспедиции и археологических исследований на соседних территориях (Синьцзян, Северный Китай, Маньчжурия, Прибайкалье, Монголия). По неолиту и палеолиту Сибири главным источником для Марингера были краткие компилятивные сводки Мергарта³. Дж. Марингер, впрочем, стремился возможно полнее учесть в

¹ Ср. сокращенное русское издание: Р. Ч. Э н д р ь у с, По следам первобытного человека. Экспедиция в Центральную Азию, Л., 1929.

² «Amer. Mus. Novitates», № 222, 10—16 (1926); «Natur. Hist.», 26 (1926), стр. 246—251; «Amer. Anthrop.», 28 (1926), стр. 305—308; «Amer. Antiquity», т. 2 (1937), стр. 267—308; N. C. N e l s o n, Archaeology of Mongolia. «Compte rendu du Congrès International des Sciences Anthropologiques et Ethnologiques. Deuxième Session», Copenhagen, 1939, стр. 259—262.

³ M. E b e r t, Reallexicon der Vorgeschichte, т. XII; «American Anthropologist», 1923), т. 25, № 1.

своей работе также и результаты работ советских исследователей на Енисее, Алтае и Ангаре. Но запас его сведений в этой области очень ограничен и сильно устарел. Самая последняя работа по палеолиту Северной Азии, которой он пользовался, — статья П. П. Сосновского о палеолите Алтая (1941 г., МИИА, 2), а по неолиту — работа автора настоящей рецензии (ВДИ, 1938, № 1—2), которую он использует для сопоставлений с монгольским неолитом. Им не использована даже изданная на немецком языке сводка Г. П. Сосновского о палеолитических стоянках Северной Азии. Само собой разумеется, что это обстоятельство, как будет показано в дальнейшем, весьма отрицательно отразилось на работе Марингера, посвященной археологическим памятникам, во многих отношениях родственным и близким археологическим памятникам азиатской части Советского Союза. Следует, кстати, отметить, что при изложении результатов исследований П. П. Хороших на острове Ольхоне (оз. Байкал) они обозначены как проведенные на Орхоне, т. е. в Центральной Монголии!

Основную по объему часть работы (стр. 9—166) составляет детальное описание местонахождений культурных остатков каменного века. Попутно, однако, по дневникам Бергмана отмечаются наскальные рисунки; оригинальные стены из вертикальных каменных плит и древние могилы, в том числе тюркские, с балбалами («baba-stones»), а также плиточные могилы забайкальско-монгольского типа. Последние представлены в двух обычных вариантах: а) прямоугольные; б) с вогнутыми длинными сторонами. Они представлены как чертежами, так и фотографиями.

Плиточные могилы Внутренней Монголии не подвергались сколько-нибудь широким исследованиям и не дали ничего выразительного, но заметки Бергмана интересны уже тем, что дают представление о самых южных и восточных пределах распространения той замечательной культуры раннего железного века, которая уже довольно хорошо известна советским археологам и историкам по раскопкам в Забайкалье (исследования Г. П. Сосновского в 1928—1929 гг., Г. П. Сергеева — в 1934—1935 гг., автора настоящей рецензии — в 1947—1950 гг.).

Описание местонахождений древних поселений с каменными изделиями расчлениется по географическому признаку (следуя с востока на запад) на следующие главы: 1) поселения в степях Восточной Монголии (провинция Чахар, район Барун-Сунит и Дурбэт, район Дархан-Бэйле, район Му-минган, Дзун-гун, Дунда-гун); 2) поселения в Алашане (Хояр-Нор, Хара-дзак, Ук-Тохой); 3) поселения в районе Эдзэн-гола (Сого-нор, в бассейне Эдзэн-гола, в депрессии Гурнай (Gurnai); 4) поселения в Черной Гоби.

Большая часть местонахождений, описанных Марингером и Бергманом в этой части монографии, дала относительно немногочисленный и невыразительный материал. Обнаруженные здесь предметы, особенно законченные обработкой орудия, исчисляются если не единицами, то в лучшем случае десятками. Однако имеются и некоторые пункты, давшие весьма обильный характерный материал, относящийся к каменному веку Монголии. Таково, например, местонахождение в местности Хонхор-обо, где находки были рассеяны на восточном склоне холма среди кустарника, вблизи реки Хонхорин-гол. Среди находок отсюда имеются большие «боковые» скребла, «чоперы» и топоры, найдены также в большом количестве мелкие («микролитические») каменные изделия, в том числе нуклеусы призматического типа, ножевидные пластинчатые скребки, как простые, так и комбинированные. Перед нами, таким образом, типичное для степных районов Монголии неолитическое поселение, наиболее близкое по характеру к поселениям восточной части МНР, в районе г. Чойбалсан. Такой же характер имеет и другое богатое по находкам поселение — Ихэн-гун (Ikhen-Gung), где собраны 340 нуклеусов, 24 скребла, 52 провертки, 11 «шильев», 1 «боковое скребло», 1 топор, 3 желобчатых долота, 1 684 отщепов и пластин.

Особое место занимают местонахождения типа древних мастерских и разработок доделочного камня. В ряде случаев там, где были необходимые для этого условия, отмечается естественное сочетание поселений в собственном смысле этого слова и мастерских или разработок кремня. Такова, например, местность Ук-Тохой. Здесь вокруг озера возвышаются базальтовые плато и горы Сойон-Хайрхан. Базальтовые возвы-

шенности в изобилии доставляли человеку материал для изготовления орудий. Неудивительно, что именно здесь вместе с обычными стоянками оказались и настоящие мастерские — с отбойниками, отбросами производства каменных орудий (нуклеусы, болванки), незаконченными или сломанными орудиями, в том числе желобчатыми долотами и массивными скребловидными инструментами.

Весь этот раздел имеет бесспорный интерес, так как дает ясное и достаточно полное представление о древних поселениях на территории Монголии и условиях, в каких существовали ее древнейшие обитатели.

Следующий раздел монографии Марингера содержит главы, посвященные сравнительно типологическому анализу находок Бергмана и общим выводам о возрасте и локальных группах памятников каменного века на обследованных шведской экспедицией территориях Внутренней Монголии. Судя по обобщенным Марингером дан-

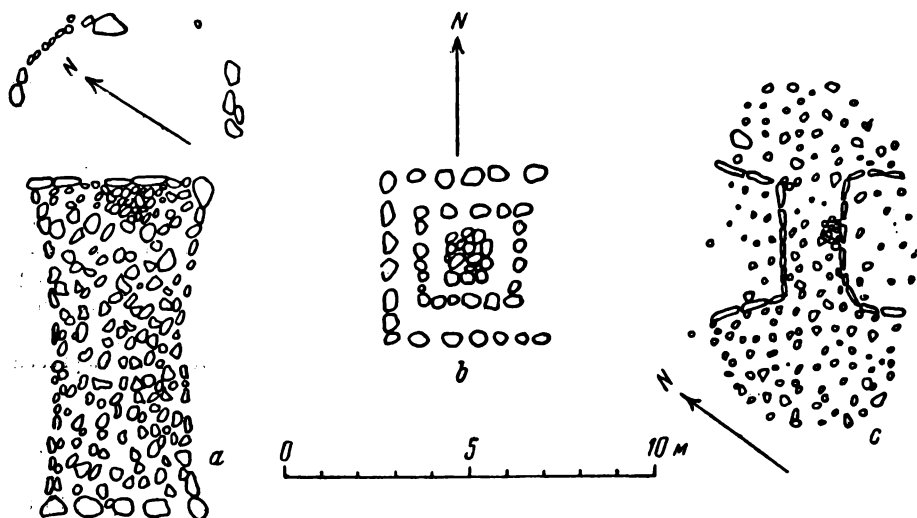

Рис. 1. Плиточные могилы в районе Бай-линь

ным, сырьем, из которого изготовлялись каменные орудия, были главным образом минералы, связанные с третичными и мезозойскими породами вулканического происхождения: белый и красноватый халцедон, а также кварцево-порфировый туф, аргиллит, сланец различных цветов и оттенков — белый, желтый, бурый, красный, голубой и черный. Для изготовления каменных орудий применялись, кроме того, окаменелое дерево, полевой шпат и горный хрусталь, разные виды зеленокаменных пород, песчаник и кварцит — последние для больших массивных вещей: топоров, долот и скребел. Кварц употреблялся лишь в редких случаях. Основным источником каменного сырья служили коренные месторождения изверженных пород на базальтовых плато и холмах, где в изобилии встречаются кремнистые сланцы, кварцит и халцедон. Наиболее богат ими район Алашаня в центральной части Монголии, где на огромном базальтовом плато или, вернее, целой серии их от Хата-дзака и до Ук-Тохоя повсеместно встречаются кремнистые породы, частью в виде жильного заполнения трещин, частью в виде желваков, выветривающихся из лавовых отложений. Второй такой район обильной добычи кремня в каменном веке расположен на базальтовом плато Тэбчи, лавовые отложения которого содержат желваки цветных кремнистых пород. Аналогичную картину представляют находки на базальтовых холмах, окружающих Херрумен, на плато Шире-сумэ, в холмах Абдар и Хонхор, в лавовых отложениях к северу от Баян-Богдо и Бай-линь.

Во всех этих местах, непосредственно вблизи жил и россыпей кремнистых пород, встречены многие тысячи грубо отесанных человеческой рукой желваков и блоков

камня, расположенных скоплениями, соответствующими временным мастерским каменного века.

Орудия обработки камня в таких мастерских представлены прежде всего отбойниками, обычно изготовленными из кварца, сферическими или дисковидными по форме. Характерно при этом, что из 46 отбойников, имеющих в коллекциях Бергмана, 32 происходят из Ук-Тохоя. После грубо оббитых желваков, отщепов и ножевидных пластин самую многочисленную группу находок в мастерских и стоянках составляют нуклеусы. Последние Марингер делит на две группы. В первую входят многофасеточные неправильные нуклеусы, большей частью округлые. По сути это простые оббитые со всех сторон с целью удаления корки желваки, которые могли служить заготовками как для изготовления орудий, так и для подготовки нуклеусов призматического типа. Во вторую группу входят настоящие призматические нуклеусы. О количестве этих изделий можно судить по цифрам, приведенным как Марингером, так и Нельсоном. В коллекциях американской экспедиции их оказалось более 2 тысяч; в свою очередь, Бергман собрал 1800 таких нуклеусов, в том числе в Ихэн-гуне

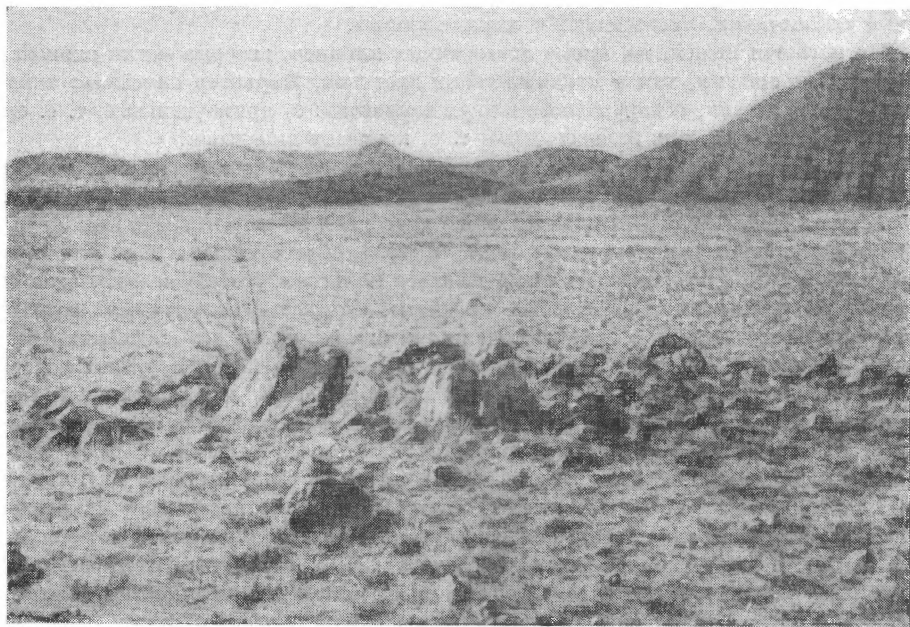

Рис. 2. Плиточная могила Хонхор-обо

340. Нуклеусы эти представлены как совершенно законченными и обработанными до предела экземплярами, так и образцами всех подготовительных стадий их оформления. Помимо обычных конических и цилиндрических нуклеусов, среди них выделяются загадочные изделия со своеобразно оформленным ретушью поперечным концом. Широко распространенные в Сибири еще с палеолитического времени, эти изделия называются в нашей археологической литературе «нуклеусами-скребками». Марингер называет их «кельтовидными» и «языковидными» нуклеусами. Относительно способа их употребления он допускает, что они могли служить орудиями типа клиньев, долотами, шильями, а также инструментами для резания и скобления, заменяя в последнем случае скребки обычного рода. Снятые с призматических нуклеусов пластины служили ножами, а также вкладными лезвиями для составных орудий вкладышевого типа.

Среди мелких кремневых орудий Внутренней Монголии, по словам Марингера, наиболее обильной является группа «концевых скребков». В коллекциях Бергмана их

2071. У Нельсона отмечено 4038 таких изделий. Следует, однако, указать, что выражение «концевые скребки» в данном случае неточно, так как, помимо настоящих концевых скребков, т. е. скребков на концах правильных ножевидных пластин призматической формы, в эту категорию им включены круглые и полукруглые скребки, изготовленные из отщепов. Далее следуют «высокие скребки», напоминающие, по словам Марингера, ориньякские килевидные скребки в виде «лоса» и клювовидные резцы.

Еще более характерны для монгольских стоянок мелкие орудия типа шильев, сверл и проколок. Марингер расчленяет эти орудия по характеру ретуши. Если ретушь нанесена с одной стороны — это сверла; если с обеих — дрели. У шильев имеется удлиненное и утолщенное острие. Весьма интересно при этом, что сверла, как правило, встречаются вместе со сверленными дисковидными бусинами из скорлупы яиц страуса и, следовательно, всего вероятнее, служили для изготовления отверстий в таких бусинах.

Наконечники стрел и копий относительно редки (у Нельсона отмечено 400 наконечников стрел, в коллекции Бергмана — 162). Наконечники стрел в большинстве подтреугольные с прямым или с симметрично вогнутым основанием. Есть ланцетовидные наконечники, листовидные и «сердцевидные».

Что касается пожей, то, кроме листовидных клинков, которые могли одинаково служить как ножами, так и наконечниками дротиков, Марингер описывает типичные вкладные лезвия, обнаруженные в двух вариантах: а) прямоугольные, т. е. средние, и б) кривые, или пальцевидные, т. е. концевые вкладыши.

Из крупных каменных орудий детально описываются боковые скребки, топоры-тесла и долота, а также «вещи палеолитических форм». Относительно последней группы Марингер по существу ограничивается лишь указанием на то, что среди этих орудий имеются полудунные и полукруглые вещи, а также обработанные с двух сторон и с одной стороны. Он ссылается здесь также на слова Нельсона, утверждавшего, что в его находках на Орок-норе имеются такие предметы, сходные с полудунными мустьерскими скреблами. Однако о находках Нельсона ничего, кроме его словесных утверждений, неизвестно. В свою очередь, фотографии вещей из сборов Бергмана показывают только, что перед нами грубые изделия случайных форм, которые не могут быть выделены в четко выработанную и устойчивую серию. Большой интерес представляют тесла и долота. Изделия эти резко выделяются уже тем, что их лезвие бывает вогнутым, т. е. желобчатым. Вторая их отличительная черта заключается в том, что они всегда только оббиты, но не шлифованы. Употреблялись они, несомненно, закрепленными в рукояти не вдоль, а поперек и служили поэтому именно теслами, а не топорами.

Топоров в коллекции Бергмана оказалось 131, в коллекции Нельсона — 64. Материалом для изготовления их служили преимущественно кремнистые и зеленокаменные породы, а также базальт и сланец. Особенно интересно наличие двух таких орудий, сделанных из зеленого нефрита, по виду и форме очень напоминающих аналогичные орудия из Прибайкалья. При изготовлении топоров применялись следующие способы: оббивка (ретушь), точечная ретушь, пиление (для сланца) и шлифовка. Марингер расчленяет эти топоры по их форме на ряд вариантов: а) большие амигдалоидные изделия, близкие к топорам типа эртёболле, но в отличие от них пеликом полированные; б) малые округленные, «поразительно сходные» с североевропейскими топорами типа Лямгам из раннего неолита Швеции; в) мидалевидные топоры, сходные с острообушными топорами Северной Европы; г) топоры типа европейских *Walzenbeile* (вальковых топоров), обработанные точечной ретушью и заполированные только у лезвия; д) топоры типа известных в северном Китае (хэнаньского типа, характерного для памятников типа Янпао); е) топоры с прямоугольным поперечным сечением («*squarecut*»), характерные для Шэнси и Чжили. Вместе с тем отмечается «неожиданное отсутствие» сверленных топоров китайского типа (т. е. плоских, трапециевидной формы, с поперечным цилиндрическим отверстием).

В числе «вещей палеолитических форм», кроме скребел мустьерского облика и «ориньякских» концевых скребков, Марингер отмечает грубые ядрища и *chopping-tool*, типа отмеченных Мовиусом для Южной и Юго-Восточной Азии. Сюда же вхо-

дит один отщеп с клэктонской по типу косой площадкой и таким же ударным бугорком и сколами на поверхности, напоминающими сколы, характерные для пластин типа Леваллуа.

Отдельно описываются фрагменты каменных зернотерок, изготовленных из песчаника и гранита, а также куранты. Зернотерки зарегистрированы в девяти пунктах.

Украшения в сборах Бергмана представлены бусами из халцедона, белого мраморвидного камня и, что особенно интересно, такими же дисковидными бусами из скорлупы яиц страуса (*Struthiolithus*), какие известны из находок американской экспедиции. Таких бус Бергман нашел 72 экземпляра, как законченных, так и незаконченных. Обнаружены и необделанные фрагменты скорлупы яиц страуса, служившие сырьем-заготовками для изготовления подобных бусин (83 штуки). Нельсон, как известно, отмечает 5034 таких предмета. Еще интереснее опубликованный Марингером кусочек скорлупы яйца страуса, на котором имеется тонкий гравированный узор в виде параллельных узких полосок, заполненных внутри поперечными штрихами. Такие же фрагменты скорлупы яиц страуса с резным узором были обнаружены автором данной рецензии и участниками палеонтологической экспедиции АН СССР на стоянках каменного века в Монгольской Народной Республике; они есть также в сборах Нельсона.

Керамика, обнаруженная Бергманом, представлена, с одной стороны, весьма поздними по возрасту образцами с «текстильными отгисками» и геометрическим орнаментом. Эти изделия по характеру орнамента и технике изготовления относятся к чжоусскому и ханьскому времени или даже к X—XI вв. н. э. С другой стороны, здесь же имеются фрагменты сосудов архаического облика, покрытые росписью в виде простой ромбической квадратной сетки, параллельных линий, углов, выполненных черной краской по красному фону. Эти фрагменты обнаруживают, по Бергману, ближайшее сходство с керамикой из памятников стадии Ма-шан, выделенной Г. Андерсоном в Северном Китае. Марингер считает тем не менее, что находки из Gurnai могут быть частично параллелизированы с культурой Яншао. Сюда же Марингер относит голубовато-серые черепки с прочерченным лощеным узором типа найденных Андерсоном в классическом поселении культуры Яншао — в местонахождении Яншао-Тзун.

Уклад жизни людей каменного века Внутренней Монголии рисуется, по данным Марингера, как охотничий по преимуществу. Древние охотники степей и пустынь имели луки и стрелы с каменными наконечниками, копыя с вставными боковыми лезвиями из камня, а также с каменными наконечниками. У них были также вкладышевые ножи и скребки. Уровень вод был выше, вода была менее соленой; реки и озера изобиловали рыбой, которая также должна была служить объектом промысла.

Почвы Внутренней Монголии частично пригодны для земледелия, и здесь, а особенно на китайско-монгольской границе и в Маньчжурии, имеются следы влияния Китая, где в то время уже цвела могучая земледельческая цивилизация.

Марингер, однако, решительно возражает японским археологам Эгами и Мицуно, полагавшим, что «микролитическое население» Монголии вело кочевую скотоводческую жизнь, владея лошадью, крупным и мелким рогатым скотом. Против этого говорит, по его словам, как отсутствие костей животных, так и наличие керамики, несвойственнойномадам и пастухам. Основываясь на характере находок в различных местах, Марингер считает возможным установить, далее, наличие особых локальных вариантов быта и хозяйства. Резкое единообразие и бедность «индустрии» в Gurnai свидетельствуют, по его мнению, о том, что в жизни охотников и собирателей, передвигающихся вдоль краев этой гигантской депрессии, не произошло каких-либо заметных перемен с мезолита и до позднего неолита. В районе Бай-линь-мяо, где много наконечников стрел, люди каменного века жили преимущественно охотой; вдоль рек и по берегам Сого-Нора — рыбной ловлей. В Ук-Тохое неолитические охотники широко занимались обработкой камня. В общем же, на территории МНР, где встречено больше наконечников копий и стрел, преобладала охота. Жили ранние обитатели Монголии во временных поселениях вдоль рек и озер, большей частью сейчас сухих или соленых, но тогда пресных.

Как видно из приведенного обзора, сводка Марингера в общем дает достаточно ясное, хотя и далеко неполное, повидимому, представление о характере находок и хозяйственно-бытовом укладе оставившего их древнего населения. В последующих, заключительных главах работы и тех ее частях, в которых ставятся общие культурно-исторические вопросы и делаются соответствующие выводы, в полной мере обнаруживаются все слабые стороны и серьезные недостатки этого сочинения. Первый такой вопрос — о возрасте описываемых памятников. Второй — о локальных вариантах этой культуры и ее месте среди других культур каменного века.

Что касается возраста монгольских находок, то, как признает Марингер, ни в одном из обнаруженных Бергманом пунктов не было возможности датировать те или иные находки по стратиграфическим условиям их залегания. Все эти многочисленные вещи были обнаружены прямо на поверхности, на выветривающейся скальной плоскости или в котловинах на развееваемых ветрами песчаных отложениях. Основой для датировки могут служить, следовательно, с одной стороны, характер поверхности изучаемых вещей (степень выветренности, глубина патины), а также их форма и особенности техники изготовления. С другой стороны, ключом к определению возраста монгольских находок в данном случае может быть сравнение с аналогичными изделиями из соседних областей, где вопросы датировки решаются на прочно установленных основаниях. Именно так и поступает Марингер. Первое, что он попытался сделать, — выделить из всей массы находок древнейшие, палеолитические изделия. О наличии палеолита в Монголии впервые писал в своих кратких статьях Нельсон, но писал в самых общих выражениях и без каких-либо иллюстраций, которые могли бы дать конкретное представление об этих находках, обнаруженных Нельсоном, по его словам, в районе озера Орок-Нора и на высоком плато между Улан-Нором и массивом Арца-Богдо. Как уже отмечалось выше, Марингер не решается уверенно датировать палеолитическим временем отдельные орудия архаических форм, имеющиеся в собрании Бергмана, потому что по характеру залегания и по степени патинизации они ничем не отличаются от встреченных вместе с ними бесспорно неолитических предметов. Что же касается их формы, то на самом деле изделия «мустьерских» и «ориньякских» форм в коллекции Бергмана имеют лишь очень условное сходство с настоящими палеолитическими вещами.

Важно, что Марингер, в отличие от Нельсона, учитывает также и существование особой палеолитической культуры в Сибири и именно с ней, а не с европейским мустье и не с азиатом сравнивает находки Бергмана. Однако данное им простое сопоставление (рис 47, стр. 184) изделий из слоев Верхоленской Горы с монгольскими вещами убеждает в условности отнесения последних к палеолиту. Ясным и четким формам, тщательной ретуши сибирских изделий противостоят явно случайные формы и небрежная обработка монгольских вещей. Сходство у них, несомненно, случайное, и палеолитом датировать эти вещи из сборов Бергмана невозможно. В итоге, по признанию самого Марингера, вопрос о палеолите Монголии в его книге остается неразрешенным и попрежнему открытым. На самом деле палеолит Монголии (в том числе гобийский) имеется и обнаруживает теснейшую связь с сибирским верхним палеолитом, в первую очередь — забайкальским. Не исключено, что к нему относятся и неопубликованные сборы Нельсона с «мустьерскими» вещами.

Вторая хронологическая проблема — о наличии в находках Бергмана изделий мезолитического времени. К мезолиту Марингер относит находки в Ихэн-Гуне, давшие, по его мнению, «чистый и богатейший в Монголии микролитический материал». Однако, как мы видели, в том же самом местонахождении найдены и крупные типично неолитические вещи. Нельзя признать надежным доказательством наличия следов мезолита и находки в Гурнай, где вместе с дисковидными бусинами из скорлупы яиц страуса были найдены мелкие каменные изделия, в том числе проколки, а каменных крупных орудий не оказалось. Дело в том, во-первых, что такие дисковидные бусы встречаются и в таких комплексах, неолитический возраст которых бесспорен. Отсутствие же каменных топоров, несомненно, зависит не от глубокого возраста данного поселения, а от того, что оно принадлежало к числу обычных поселений типа стоянок,

а не было мастерской типа найденных в Тэбчи и других пунктах, связанных с коренными месторождениями поделочного камня на базальтовых плато и холмах. Кроме того, в Гурнай, так же как и в Ихэн-Гуне, оказалась керамика как ручной работы, покрытая снаружи отпечатками шнура, так и более совершенной выделки—с росписью. Марингер, правда, пытается объяснить наличие керамики в обоих случаях тем, что носители культуры мезолитического времени жили на тех же местах вплоть до «лифльтрации» сюда нового, поздне-неолитического, населения из Северного Китая, принесшего с собой расписную керамику. Но искусственность и условность этого довода совершенно очевидны. Поэтому в попытках выделить ранний микролитический комплекс находок Марингер вынужден опираться не на собранный Бергманом материал, а на утверждения Нельсона о наличии в Шабарак-Усу двух особых «индустриальных горизонтов мезолита и неолита в стратиграфической последовательности и более или менее глубоко погребенных в древних золотых отложениях».

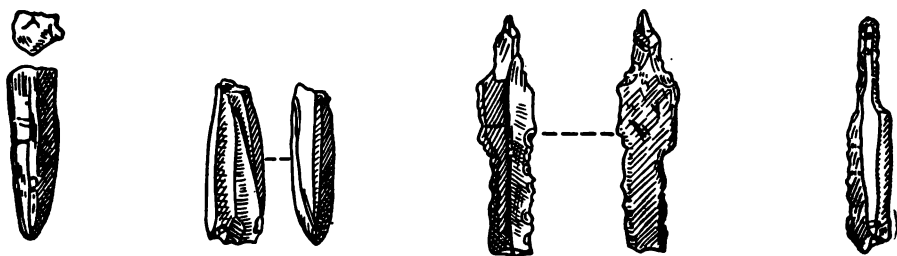

Рис. 3. Микролитические изделия из Гурнай

В связи с этим следует указать, что мне пришлось в 1949 г., как участнику Монгольской историко-этнографической экспедиции АН СССР и Комитета Наук МНР, побывать на этом самом месте и снова тщательно изучить его. В Шабарак-Усу, или Баиндзаке, как эту местность называют здешние жители, и сейчас действительно имеются два стратиграфически четко отделенных друг от друга культурных горизонта, дающих остатки очагов из галек и каменные изделия. Но, судя по моим наблюдениям 1949 г., нижний горизонт Баиндзака (Шабарак-Усу) относится не к мезолиту, а к неолиту, и, что особенно важно, он датируется керамикой с оттисками сетки-плетенки. Последняя, разумеется, не может быть отнесена к мезолиту и, тем более, к азилию, а, напротив, сближается с аналогичной керамикой из Прибайкалья, самые ранние образцы которой зарегистрированы в памятниках исаковского этапа, а более поздние относятся к серовскому и китойскому времени. Не могут служить свидетельством о наличии «раннего микролита» в Монголии также круглые «азильские» скребки миниатюрного размера, поскольку они хорошо известны и в развитом неолите.

Ничего не дает для культурно-хронологической стратиграфии и попытка Марингера расчленить по типологическим признакам каменные топоры Внутренней Монголии на три особые группы, так как по существу это не особые, устоявшиеся типы законченных орудий, а разные варианты одной и той же «острообушной» формы, особенности которых не выходят за пределы общей нормы. В целом, следовательно, приходится считать все усилия Марингера, затраченные на установление по материалам Бергмана определенной культурно-стратиграфической схемы, потраченными напрасно и не достигшими цели.

Обратимся теперь к попытке Марингера по возможности расчленить культуру каменного века Внутренней Монголии на ряд локальных вариантов. Марингер выделяет во Внутренней Монголии четыре «более или менее крупные» территориальные культурные группы.

Первая группа — степная. Она охватывает районы вдоль современной степи и часть вынешней пустыни к востоку от Хара-дзака. Здесь преобладают миниатюрные орудия, конические нуклеусы, сверла и провертки с широкой рукоятью, малые изящ-

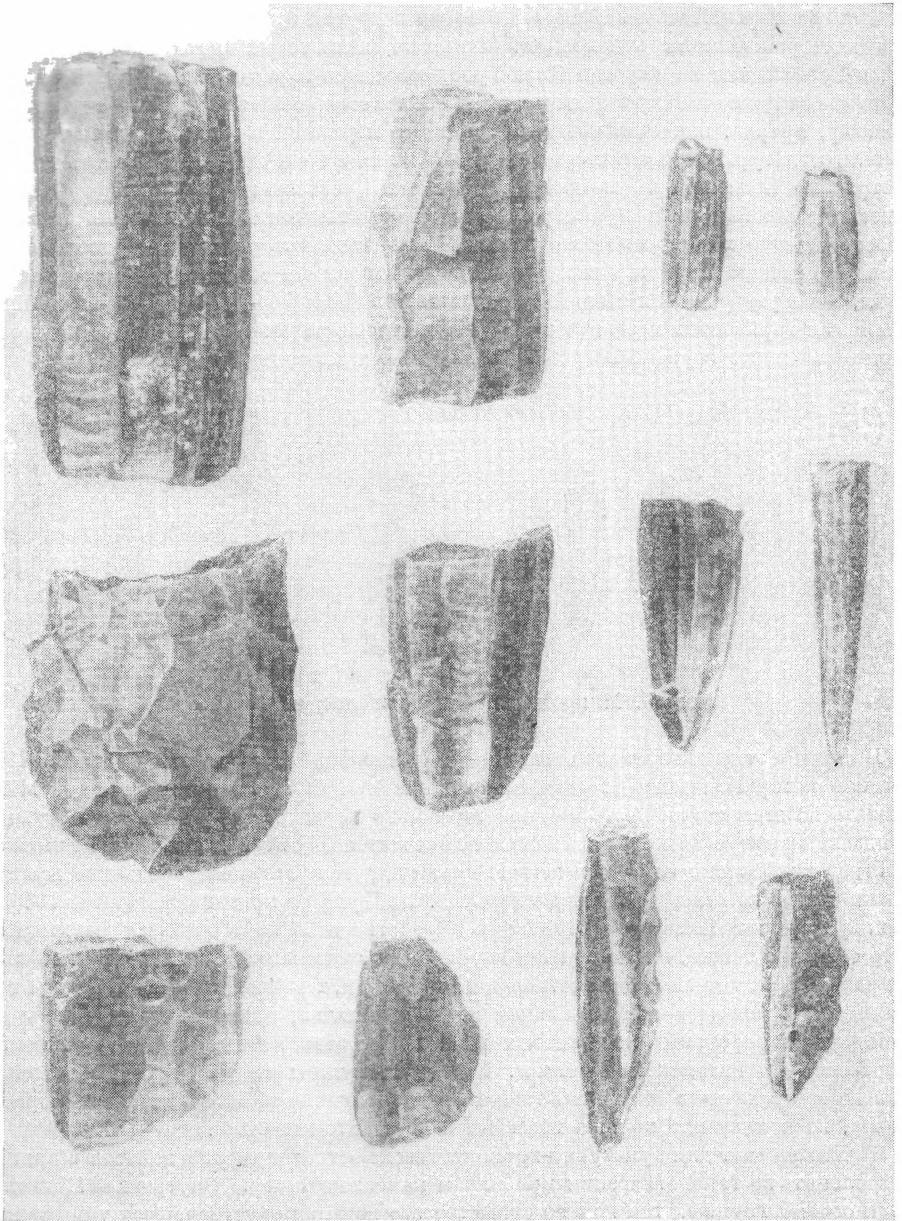

Рис. 4. Нуклеусы из различных стоянок Внутренней Монголии

ные ножи прямоугольной формы, сегментовидные и кривые (т. е. вкладные лезвия). Наконечников стрел в степной области довольно много, они варьируют по форме от треугольных с прямым основанием до овальных. Вместе с ними встречаются длинные и полукруглые скребки, средних размеров оббитые топоры из зеленокаменных пород с узким обухом и овально заостренным поперечным сечением; керамика гладкая или с «корзиночными оттисками». В свою очередь внутри нее выделяются локальные особенности: в Хадаин-Сумэ—малые оббитые топоры; в Бай-линь-мяо—миниатюрные округлые скребки и необычно обильные наконечники стрел, в Хонхор-обо—обилие «микролитов», конические и цилиндрические нуклеусы, дрели и шилья с ручкой.

сделанные из узких отщепов, грубые боковые скребки и «чопперы», большие и малые топоры, плоские и округленные в сечении.

Вторая группа охватывает Алашань. Она соответствует пустынной зоне и распространена на плато Ук-Тохой и к северу от него, в пустыне. Здесь имеются большие конические и цилиндрические нуклеусы, большие концевые скребки, тонкие ножи как прямоугольные, так и кривые, боковые скребки, оббитые топоры и долота из цветной кремнистой породы, керамика с оттисками (рогожными). Ее локальные варианты: Ук-Тохой — изящные топоры и ножи с кривым телом; Абдерунгтей — изящные узкие ножи с кривой спинкой.

К третьей группе относятся памятники Эдзэн-гола. Здесь распространены малые («микролитические») скребки, сверла из узких пластин, дисковидные бусы из яиц *Struthiolithus*'a, гладкая керамика. Локальные варианты ее: Сого-Нор — необычно длинные отщепы, малые округленные топоры, узкие желобчатые долота, Гурнай — изящный микролитический материал, полное отсутствие топоров и вообще топорovidных инструментов, гладкая керамика.

Четвертая группа — памятники Черной Гоби — в западной части Внутренней Монголии. В целом находки напоминают материал из района Сого-Нора, но отличаются тонкими оббитыми топорами (находка в Цаган-Булуке).

Все эти локальные группы памятников обнаруживают, по словам Марингера, взаимные «влияния». Так, малые изящные ножи степной группы спорадически появляются в Гурнай и в Черной Гоби. С другой стороны, грубые боковые скребла и «чопперы» «внедрены» в степную зону вместе с топорами и желобчатыми теслами из цветных кремнистых пород. Таким же «внедрением» являются узкообушнные гряноштейновые топоры в Алашане и в Сого-Норе. Кроме того, повсюду, кроме мало исследованной Черной Гоби, по словам Марингера, обнаруживается «много инфильтраций» северо-китайской неолитической культуры, особенно ясно выраженных в степной группе и на Эдзэн-Голе (расписная керамика, северокитайские типы топоров).

Если последний вывод, несомненно, правилен и вполне обоснован, то этого нельзя сказать о предшествующих положениях, вызывающих серьезные сомнения и возражения. Прежде всего, следует иметь в виду, что в распоряжении Марингера нет такого важного и по сути решающего элемента для выделения территориально-культурных групп, каким является керамика (в сборах Бергмана не может быть выделена местная неолитическая керамика; есть только северокитайская и более поздняя — чжоусская, ханьская и тому подобная керамика). Что же касается других элементов, то, если не считать бус из скорлупы яиц страуса, Марингер на самом деле вовсе не смог установить каких-либо действительно специфических для его группы локальных типов изделий, таких, например, которые можно было бы сравнить хотя бы, с одной стороны, с характерными для Прибайкалья серовскими типами топоров, каменными рыбами, и с другой — с плечиковыми теслами Якутии или, скажем, с теслами русско-карельского типа в Карелии и Финляндии.

Он не дал доказательств и для своих утверждений о сколько-нибудь резкой концентрации тех или иных вещей в определенных районах. У него речь идет лишь о различных комбинациях и сочетаниях одних и тех же, в основе, признаков, одинаковых в принципе элементов. Но все эти комбинации могут зависеть если не от случайного характера сборов, то от характера самих конкретных памятников (мастерские, стоянки и т. п.). Таким образом, если в данном случае и можно говорить о каком-то отражении в «локальных вариантах» выделенных Марингером местных географических условий, то только в указанном, очень ограниченном и узком смысле. Вполне естественная и интересная по замыслу попытка Марингера обнаружить локальные особенности монгольского неолита, так или иначе отражающие своеобразные условия тех или иных областей Внутренней Монголии, тоже, следовательно, не может быть признана удачной, а сделанные им выводы — убедительными.

Не ограничиваясь попыткой выделения внутри культуры каменного века Внутренней Монголии отдельных частных областей, Марингер ставит далее и более широкий вопрос — о своеобразии этой культуры в целом и об ее отношении к культурам

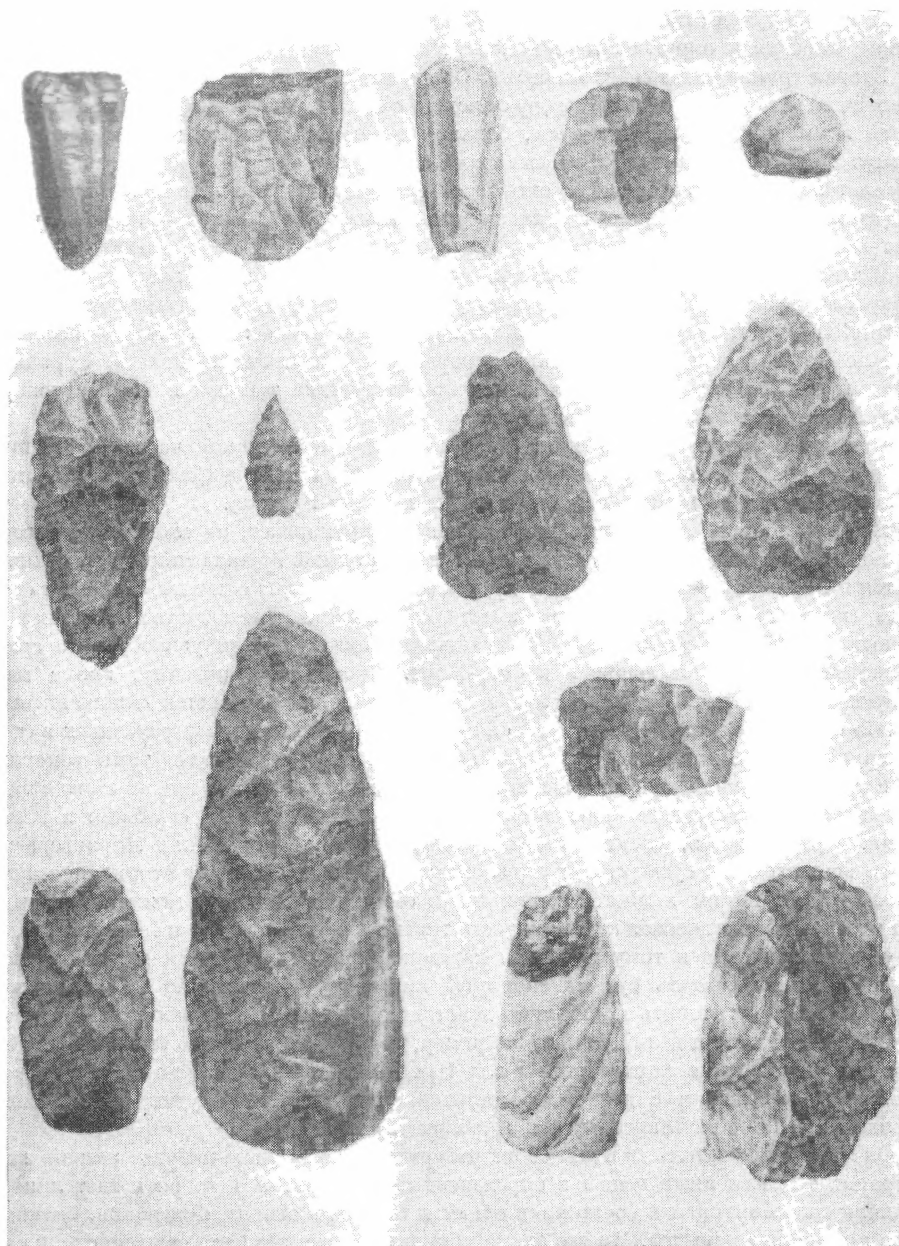

Рис. 5. Каменные орудия (топоры, тесла, нуклеусы). Хонхор-обо

каменного века других областей. Выводы его по этому вопросу могут быть суммированы следующим образом.

Неолитическая культура этой области в целом, по его словам, «очень близка к байкальской культуре Южной Сибири, носители которой, по Окладникову, были охотники, рыболовы и собиратели, жившие в постоянных (?) поселениях вдоль рек и озер. Вместе с тем, культура неолита Внутренней Монголии столь же резко отличалась в целом от неолита северного Китая, с которым она имела только известный контакт». Контакт этот выражен прежде всего в наличии крашеной керамики. Марингер считает возможным

разделить ее на две группы: раннюю, аналогичную керамике из поселений собственно яншаосского типа, и позднюю, близкую к керамике типа Чжи-Чжиа, которую он датирует на основании новейших раскопок временем около 2000 г., если не позже. В число общих с неолитом северного Китая элементов входят также топоры, характерные для культуры Яншао, каменные заступы и просверленные каменные диски, служившие грузиками для землекопалок. Тем не менее, здесь нет такого специфического элемента северокаитайской неолитической культуры, каким являются характерные шлифованные ножи прямоугольной формы с просверленными в них отверстиями для привязывания. Нет также и специфических для Китая тесел с боковыми уступами-плечиками.

Наряду с этими верными в принципе положениями, Марингер в различных местах своей работы высказывает мысль о том, что культура каменного века Монголии характеризуется «микролитическими изделиями, покрывавшими всю европейскую и африканскую степную и пустынную зону в течение мезолитического периода». При этом, по его словам, Внутренняя Монголия принадлежит «к северо-восточной, или субарктической, группе европейского микролита», выделяясь в ней специфическими приемами подготовки нуклеусов в форме «кельтовидных» и «языковидных» изделий. Марингер, однако, тут же признает, что в Монголии нет специфических геометризованных форм мелких каменных изделий, характерных для настоящего микролитического инвентаря мезолитических памятников Африки и Европы. Еще более важно, что в резком контрасте с Западом «микролиты» найдены здесь в сочетании с «неолитическими элементами», конкретно с такими изделиями, как изящно оббитые наконечники стрел, ножи, топоры, зернотерки и черепки глиняной посуды. Как мы видели, значение этих фактов не может быть ослаблено и предполагаемым наличием двух одновременных культурных горизонтов — мезолитического и собственно-неолитического, поскольку такое расчленение находок не подтверждается фактами. В общем же, «северо-восточная», или «субарктическая», зона микролитической культуры каменного века, о которой говорит Марингер, является простой фикцией. Термин «микролитическая культура» в данном случае совершенно теряет смысл уже по той причине, что в неолите здесь, наряду с мелкими изделиями, не менее, а по сути более важное значение имеют крупные орудия типа топоров и тесел, а сами «макролиты» не отличаются по размеру и по типам от обычного набора неолитических орудий мелких размеров.

Вопрос о положении неолитической культуры Внутренней Монголии, а также и неолита МНР среди других неолитических культур тоже, следовательно, не нашел в работе Марингера правильного и полного освещения. Суть его ошибок заключается в общем «угле зрения», под которым Марингер рассматривает неолит Монголии. Вместо того чтобы стремиться вскрыть своеобразие каменного века Монголии, он пытается рассматривать последний на фоне знакомых ему памятников Европы, с точки зрения традиционных представлений западноевропейских археологов, выросших на почве буржуазного вещеведения. Особенно отчетливо видно в его работе влияние взглядов Нельсона, концепция которого о «микролитическом» характере раннего и позднего неолита Монголии и, в частности, об «азильском» характере некоторых элементов инвентаря монгольских стоянок целиком легла на основу обобщений Марингера.

Чтобы правильно понять каменный век Монголии, нужно, конечно, исходить не из европейских материалов и созданных на их основе культурно-типологических схем, а из самого монгольского каменного века, рассматриваемого на фоне его ближайшего окружения. Кроме культур Юго-Восточной Азии и Дальнего Востока, здесь, в первую очередь, должны быть учтены памятники каменного века соседних областей Сибири — Забайкалья, Прибайкалья и отчасти Западной Сибири. Марингер, правда, стремился использовать сибирские материалы. Но результаты большой работы, выполненной в этой области советскими археологами, как сказано выше, остались ему почти совершенно неизвестными. Между тем, поставленные в данной работе общие вопросы решаются в свете новейших исследований советских археологов в Сибири и на Дальнем Востоке совершенно по-новому.

В 1949 г. в составе Монгольской историко-этнографической экспедиции, воз-

главляемой С. В. Киселевым, работал под руководством автора настоящей рецензии специальный отряд, в задачи которого входило изучение древнейшего прошлого Монголии. Отряд этот своими маршрутными исследованиями на Западе МНР охватил в бассейне р. Орхона район Эрдени-Дзу, а также пересек территорию МНР с севера на юг от Алтан-Булака и до Далан-Дзадагада, побывав в знаменитом Баиндзаке («Шабарак-Усу»), затем совершил маршрут на крайний восток Монголии, в район г. Чойбалсана, Тамцак-Булака, Буир-нора и Халхин-гола. Эти работы дали обильный свежий материал, позволяющий по-новому понять каменный век Монголии и иначе, чем это было прежде, осветить древнейшую историю МНР. В связи с наблюдениями 1949 г. во многом по-новому раскрывается значение и материалов, данных в сводке Марингера.

Подводя итог рассмотрению работы Марингера, следует признать, что это полезная сводка обильного фактического материала, заполняющая существенный пробел в археологии Центральной и Восточной Азии.

Вместе с тем, внимательный анализ этой работы показывает глубокие методологические корни отмеченных выше ошибок и недостатков этого сочинения. Целиком оставаясь на почве современной буржуазной науки, автор этой работы, прежде всего, скован традиционной слепой верой во всепасающую силу типологического метода — традиционного и окостенелого в руках археологов, чуждых диалектическому пониманию истории. Особенно ярким примером этому являются его рассуждения о типологии и возрасте каменных топоров Монголии, которые он пытается распределить по хронологическим рубрикам соответственно северноевропейским схемам. Конечно, типологический метод является одним из важнейших методов в исследовательской работе археолога над вещественными источниками. Но применять его следует с учетом конкретных исторических условий и самобытности культурно-исторического развития отдельных племен и народностей, а не для того, чтобы нивелировать процесс развития культуры. Отсюда же проистекает вся путаница с «микrolитической культурой» Монголии. «Культура» для Марингера — это прежде всего определенный комплекс, или набор, вещей, за которыми исчезает конкретное общество, конкретный человеческий коллектив — род, племя, народность.

Правда, Марингер интересуется и хозяйством, и антропологическими типами. Но и здесь обнаруживается известная склонность прямо и непосредственно сводить локальные культуры к природным различиям, стремление целиком подчинить человека и его культурное творчество природной среде; это, несомненно, влиянию примитивного географического материализма, столь характерного для буржуазной науки. Как обстоит дело в действительности, показывает, например, тот замечательный факт, что в наиболее раннем неолите Монголии, в «нижнем неолите» Баиндзака оказалась керамика исаковско-серовского типа, и одновременно такая же керамика была обнаружена археологами в районе Великой Китайской стены. И это — вопреки резким природным различиям, которые отделяют друг от друга Баиндзак, расположенный почти в самом сердце пустыни Гоби, — с одной стороны, и неолитические поселения таежного Прибайкалья — с другой.

Факт этот показывает, таким образом, что псевдо-«микrolитическая» культура монгольского неолита на самом деле по своему происхождению и характеру определяется не степным или пустынно-степным ландшафтом, как полагают Нельсон и вслед за ним также другие зарубежные археологи, а имеет иные корни; что ее специфику нужно искать не в прямом влиянии естественной среды («африканских» и «евразийских» степей и пустынь на культуру, а в конкретно-исторических судьбах древнейшего населения этой же самой территории и соседних с ней областей Азии, в том числе Сибири. В их судьбах, разумеется, следует учитывать и роль естественно-географических условий, географического фактора, но связь эта значительно сложнее, чем это может показаться на первый взгляд. Вскрыть эту специфику культурно-исторического пути древнейшего населения Центральной Азии, показать его историю во всем ее своеобразии и сложности — такова трудная, но увлекательная задача исследователей, занимающихся археологией Монголии.

А. П. Окладников